

אשכולות
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке
אבי אבי
הי שחא

СПИРТ & SPIRIT

САМОГОНОВАРЕНИЕ В ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Материалы к выступлению
Валерия Дымшица и Ивана Жука

Москва
январь 2013 г.
проект “Эшколот”
www.eshkolot.ru

I. Продажа водки

1. Немалую роль в городской торговле играли шинки, и их было множество. Крестьяне могли там не только выпить, но и закусить: сыром, селёдкой, огурцом. И в сладкой водке тоже не было недостатка, но ее мог себе позволить шляхтич* или мелкопоместный дворянин, который закусывал выпивку не сыром и селёдкой, как крестьянин, а гусятиной или рыбой. Этими шинками, точно так же как лавками, заправляли женщины. Но в воскресенье, в дни большой выручки, мужчины им помогали. [1]

* Здесь: однодворец.

2. В пятницу весь город* приходил за водкой для субботы. В этот день помогало в торговле все семейство. Всегда стояли большие бады водки, и оттуда ее отмеряли в бутылки. [1]

* Город – распространенный синоним «еврейской общины».

II. Производство водки

3. Свадьбу <дочери хозяина винокуренного завода> назначили на Новомесячье нисана* – время, когда не работает винокуренный завод, поскольку летом невозможно делать водку**. [1]

* Нисан – седьмой месяц еврейского календаря, приходится на март-апрель.

** Водку изготавливали не с помощью перегонки, а так называемым «холодным способом», то есть вымораживанием воды из браги. Такая водка называлась «выморозки». Она была очень низкого качества, так как при вымораживании невозможно удалить сивушные масла.

В нисане производство останавливали, так как этот месяц соответствует середине весны, когда устанавливается теплая погода. Под «летом» здесь следует понимать не время года, а теплый сезон. Так как 15-го нисана начинается праздник Песах, после которого в течение 50 дней, во время Счета Омера, свадьбы не играют, а подготовка к Песаху тоже занимает несколько дней, то выбор дня свадьбы представляется вполне логичным.

4. Запах у польского спирта был лучше*, что было даже недостатком, так как это могло выдать его присутствие. Чтобы себя обезопасить, распространили слух, что это добавляют в спирт такие душистые капли, от чего народ пил ещё охотнее. [1]

* Польский спирт был получен путем перегонки, а не вымораживания.

III. Как пьют евреи

5. На свадьбу съехались родственники-раввины, и свадьба была такой большой, что город гулял все восемь дней. Водку выставляли бочонками, и народ пил во всю. [1]

IV. Что пьют мужчины, что пьют женщины

6. Водки Шебсл <знаменитый скрипач> не пил, только стопку сладкой водки, как женщина, и вина – тоже только стопку. [1]

7. Ну, конечно, многие закуски любят, чтобы их смачивали, так что не забудьте отдать должное настойкам и попробовать и простой шестидесятиградусной водки, и ароматного девяностоградусного спирта, оставшегося с Пейсаха... Ну, вишневка – это вишневка. И померанцевка, которую тетя Фейга настояла на пуримском апельсине, – это померанцевка. И зубровка, настоящая на лесных травах, – это зубровка. Вы не уверены? Что значит, не уверены? Это бабы закусывают, но не пьют. Они пьют только смородиновую и морщатся от ее «крепости». Также мне крепость! Пусть себе морщатся на здоровье! А мы примем по капельке, а потом повторим – настоящей, семерной очистки горячительной изюмной водочки. И давайте выпьем с добрыми пожеланиями. Лехаим, родня! [2]

V. Водка со сладостями

8. Вечером был приготовлен стол со сладкой водкой, лекехами и вареньем и все начинали совершать обряд капойрес*. [1]

*Букв. «искупительные жертвы». Обряд, совершаемый в ночь накануне Йом-Кипура, состоит в том, что мужчина вертит над головой три раза живого белого петуха, а женщина – белую курицу, произнося трижды формулу: «Это да будет искуплением моим, обманом моим и заменой меня. Этот петух (эта курица) пойдет на смерть, а я обрету счастливую долгую и мирную жизнь». Перед совершением обряда читают из псалма 107, стихи 17-20 и из Книги Иова, 33: 23-24. Немедленно после этого птицу, которая называлась «капойре» («жертва»), зарезывают, мясо отдают бедным или же съедают, в последнем случае бедным отдают деньгами стоимость курицы.

9. Сразу после произнесения *шеакол** или *бойре-при-агофен*** стойкий шкловский родственник должен закусить увесистым куском медового лекеха. Медовый лекех бывает двух сортов: ржаной и пшеничный. Ржаной лекех темный, как шоколад, жирный, тяжелый и сытный, а пшеничный – посуше, полегче и посветлее. Но оба тают во рту и вкусно прилипают к нёбу. И тот, кто хочет выполнить заповедь родства по всем правилам, должен обязательно попробовать оба сорта. Только после этого можно по-настоящему выпить и закусить ломтем яичного печенья, воздушного и подрумяненного, которое одним махом впитывает полстопки водки. Вот какую притягательную силу заключает в себе шкловское яичное печенье! [2]

* Всё (*др.-евр.*) – название благословения, произносимого перед вкушением различных продуктов, в том числе водки. Здесь имеется в виду именно благословение на водку. Любое благословение начинается со слов «Благословен Ты, Господь Бог наш, Царь вселенной...», а затем идет специфичная именно для данного благословения часть, по первому слову (словам) которой называют все благословение. В данном случае эта часть: «всё (*шеакол*) существует по слову Которого».

** Сотворивший плод виноградной лозы (др.-евр.). Название благословения, произносимого перед употреблением вина. Таким образом, автор хочет сказать, что перед угощением закусками выпивали рюмку водки или вина.

10. Родители жениха и невесты собирались вместе, приводили мальчика и девочку в дом одной из семей, хупу ставили в доме в присутствии миньяна, выпивали водки, закусывали лекехом – и всё. [1]

11. Среди хасидов рождение дочери почиталось делом непочтенным. <...> Понятно, что у нас дома не стали устраивать никакого застолья. Обывателей просто угостили во время кидуша водкой и песочным печеньем. Для девочки и этого было достаточно. [3]

VI. Как пьют гои

12. Лежит себе, растянувшись посреди канавы, почтенный старый мужик, только седая острая бородка и бледно-желтый нос торчат из глубокой барашковой шапки. Нижняя половина тела тонет в грязи. Жидкий лошадиный навоз достает до ушей и до середины лаптей. Глаза плотно закрыты. Беззубый рот открыт... Мужик мертвецки пьян. За его головой на цыпочках раскачивается мужик помоложе. Его колени разъезжаются, кажется, он вот-вот заплашет впрысядку... Молодой тащит старого за оба уха. Тащит, но не может приподнять. Уши выскальзывают, и голова – плюх! – снова падает в грязь. Молодой тоже изрядно пьян. Глаза у него полуприкрыты. Но знать-то он знает, что в канаве лежит не просто так чья-то голова, это голова его папаша. Он снова пробует тянуть отца за уши и при этом обращается к нему голосом, дрожащим от почтительности, жалости и пьянства:

– *Тяцько, а, тяцько? Пидём это домой... это! А, тяцько?*

А старик отвечает ему с закрытыми глазами, с глубоким и горестным чувством, он, кажется, совсем отчаялся... Воркует, как голубь, из грязи. Вот уж действительно, *берахем ов ал-бонем**:

– *Сынок, а, сынок! Бери нож, режь меня!... Режь меня...*

Становится дорогой сыночек от такой нежной просьбы чуть ли не убийцей. Скрипит зубами. Хватает отца с пьяной яростью за остроконечную седую бородачку, за нос, за уши:

– *Дамо-ой, ета! Коли б тобя фра-анци!*** [2]

* Как жалеет отец сыновей (др.-евр.) Пс., 103:13.

** Чтобы тебе заболеть французской болезнью (т.е. сифилисом) (белорусск.)

13. Кажется, никто не выручает столько денег на ярмарке, сколько монополька. Прямо божья милость. У всех мужиков из карманов торчат бутылки водки, четверти* и полчетверти. Один сбивает сургуч с горлышка, другой вышибает пробку, третий перекрестился вместо благословения, не рядом будь помянуто, и — буль-буль-буль. Все вокруг усыпано сбитым сургучом, похожим на запекшуюся, втопанную в землю

кровью перед домом резника. Пробки из бутылок летят, как стрелы из луков в лесу на Лагбоймер**. А в закинутых лохматых головах булькает так, как будто все простужены и полощут горло борной.

Те, кто уже залил за воротник, сидят и милуются-целуются, мужик с мужиком, как влюбленные. Один твердит другому: дескать, я бы без нашей дружбы, мать её, помер, жизнь, мать-перемать, была бы... вот такой, мать её! Кусочком сургуча от бутылки, мать-перемать!... Вот такой, с ноготок, мать его!... А, так или не так? Мать-перемать-мать-перемать!

И не дай Бог, другой ему вовремя не поддакнет или замешкается по пьяни... Сразу конец горячей дружбе. Красный кулак тычет другу прямо в льняные волосы и пригибает тяжелую голову к самой земле: «Так или не так? Мать его, мать-перемать!...»

Среди перепивших попадают и такие, что сидят себе сконфуженно, молча, как небезобразившие дети, и икают. И с каждым иком вырывается из их наклюкавшегося нутра: *Ах ты, Господи! или Господи Иисусе-Христе!*

Есть и такие, которые городят чепуху, каются, бия себя в грудь, качают головой и грозят кому-то, дескать... раз навсегда *Брешешь!*, так дело дальше не пойдет, потому что... потому что... *Брешешь!*

Прямо перед зданием монопольки стоит огромный мужик в новых сапогах и новом картузе. Видимо, это крестьянин из пригорода, уже чересчур напраздновался, обмывая свою новую одежду... Из одного кармана у него торчит пустая бутылка, из другого недопитая. Сам он держится за фонарь. Это только так говорится: «держится». На самом деле, он обнимает столб обеими руками, как родного брата, которого он только что встретил после долгих лет разлуки, которого он искал и нашел в ярмарочной толпе. Он обращается к столбу, тычась в него козырьком своего нового картуза. Картуз вздыбливается на голове, съезжает вниз... Крестьянин продолжает тыкаться лбом. На его заплывшем лице витает счастливая, полусонная улыбка. От долгой улыбки рот у него скашивается набок, при этом он подергивает бровью и ноздрей, словно говорит: «Пойдем, пойдем, брательник! Пойдем со мной!» Но столб не двигается с места, только лампа раскачивается в фонаре... Вдруг пьяный кривится и истошно вопит:

— *Зззз... звозчик!*

И сразу после этого призыва плюхается на землю и бурчит, обращаясь к собственному животу:

Ттт... троза!

Ему кажется, что он уже вольно расселся в фаэтоне, и осталось только крикнуть кучеру «Пошел!», чтобы тот поехал.

Прямо у самого прилавка монопольки сидят развалившись два пьяных крестьянина с широкими бородами — деревенские здоровяки. У одного из них вывернуты наизнанку все карманы: штанов, двух распахнутых, надетых одна на другую, поддевок

СПИРТ & SPIRIT

и те, что за пазухой. Он уткнулся лицом в руку так, что шапка волос свисает с рукава, распустил слюни и жалуется пьяно:

— *Гроши нема-а-а... коров нема-а-а...*

Второй крестьянин в валяной *магерке****, заломленной на затылок, сидит напротив и посмеивается над своим несчастным *кумом*, который ревет как *баба*... Он качает над ним своей пьяной головой вперед, назад и опять вперед, как деревянный челoveчек, шарит в своих карманах и смеется:

Эх, морда твоя бычья, рыло твое свиное! Чего ж теперь-то выть? *Коли б ты ховав, як я ховав!* Ох-ох-ох!... Было бы всё по-другому...

Вот сейчас он ему покажет, как прятать *гроши*, которые выручил за проданную корову!

Вот один карман, видишь? Нет ничего, кажись, а? Сейчас увидишь!... Ох-ох-ох!...

Но чем дальше он лезет в карманы толстых полотняных одежек, чем глубже он копается за пазухой, чем основательней прощупывает кушаки, чем поспешнее перебирает полы рубашек и поддевок, тем жалобнее смеется пьяным смехом. Его довольная рожа с полузакрытыми глазами становится испуганной, глаза лезут из орбит. Кажется, он вот-вот протрезвеет... И всё же он продолжает твердить, что никто так не сумеет запрятать, как он запрятал. Чтоб все так прятали, как он запрятал... *Коли б ты ховав, як я ховав?*... А, что такое?... Темп его хвастовства меняется во время поисков по карманам: чем быстрее и испуганнее он шарит, тем быстрее и испуганнее становится его *Коли б ты ховав*... Он сам распалется от собственных слов. Слова, казалось бы, всё те же, но их первоначальное значение уже поменялось и меняется всё больше и больше: *Коли б ты ховав, як я ховав!* Теперь это уже значит: ага, что-то здесь не так... Посмотрим в следующем кармане... Ничего!... Ничего?... Быть не может. Должно быть! *Коли б ты ховав*... Ничего! Нету? Это мне уже не нравится! *Як я ховав ...* Здесь уж точно. А? И здесь ничего! *Коли б ты ховав!* Караул, люди, где деньги?! *Як я хо-вав?* Ай-яй! Нету всё-таки! Нету???

И так далее и так далее. Мужик повторяет это до тех пор, пока его лицо совсем не перекашивается, выпученные глаза не стекленеют, а рука не застывает в последнем потайном кармане за пазухой. Тут он начинает выть, как побитая собака:

— *Коли б ты... як я-а хова-ав...*

Это значит: разрази меня гром! Случилось несчастье...

Тем временем вокруг хвостуна и его рыдающего *кума* собрался кружок любопытствующих — евреев и гоев. Мясницкие подмастерья стоят подбоченившись, а мясник Симха Насмешник, разбойник в барашковой шапке, надвинутой на глаза, подходит и спрашивает:

В чем дело?

Отвечают:

– В чем дело? Да всё как всегда! Эти двое продали коров, напильсь, теперь деньги ищут.

– Их обоих обокрали, но один... Вот этот вот! Всё еще думает, что он самый умный.

– Ты же слышишь: «так, как я спрятал, никто бы не спрятал».

– Да он уж больше так не думает! – говорит Симха Насмешник. – Его скоро удар хватит.

И действительно, в этот момент рука хвастуна вываливается из последнего потайного кармана с таким отчаянием и тяжестью, как будто кость в ней переломилась; сам он сгибается пополам и со стоном роняет шапку кудрявых волос на руку точно так же, как прежде его обворованный кум. Но глухой заученный напев всё еще продолжает жалобно рваться из его груди:

– *Коли б ты-ы ховав, як я-а хова-ав...*

Собравшееся вокруг хамье так и покатывается со смеху.

Их здоровый беззаботный хохот раззадоривает Файвку, заражает его. Он аж трясется от смеха и хохочет до колик. Но вдруг приходит в себя, вытирает набежавшие слезы и с некоторым удивлением оглядывается по сторонам: это и есть ярмарка? Пьют, дерутся, убиваются, крадут, насмеваются и вообще...

Он вглядывается в лица мясницких подмастерьев с подозрением: ему кажется, что они прекрасно знают, кто обокрал мужиков. Симха Насмешник в надвинутой на глаза барашковой шапке, который для вида спросил: «В чем дело?», наверняка все знает... Сам все устроил, а теперь насмежается над жертвой собственной злой выходки... [2]

* Мера объема, примерно 3 литра.

** В этот праздник ученики хедеров отправлялись за город и стреляли из игрушечных луков.

*** Шапка без полей, сваленная из белой шерсти.

VII. О вреде пьянства

14. ПРАОТЕЦ АВРОМ СТЫДИТ ЛОТА [4]

«Лот, сядь и выслушай — срамота!
Ты же без просыху пьешь.
Вчера в “Золотом олене” опять
Устроил грязный дебош.

Так может Ицик Мангер, портной,
Тебе не пристало так:
Две дочери в девках который год,
И ты, тьфу-тьфу, не бедняк.

Побойся Бога: есть у тебя
Зерно и домашний скот.
О каждом гое, что мертвую пьет,
Услышишь: хлещет как Лот.

В канун субботы совсем не грех —
По маленькой, как говорят,
Когда на столе гефилте-фиш,
И свечи святые горят.

Но ты-то хлещешь дни напролет.
И как не льет из ушей?
Так может Гаврила, шабес-гой,
Но так не должен еврей.

Подумай немного — когда-нибудь
Начнут болтать про меня:
«Племянник Аврома пьяница был,
Подонок — ну и родня!»

И так болтают... — Слушай же ты!
Выкрест! Позор мне с тобой! —
...Что шадхн не ступит на твой порог,
Как будто твой дом чумной.

Что распоследний портняжкин сын
К тебе не пойдет в зятя.
Седеют косы твоих дочерей,
А ты не бросишь питья.

Лот, сядь и выслушай — срамота!
Ты же без просыху пьешь.
Вчера в «Золотом олене» опять
Устроил грязный дебош.

Так может Ицик Мангер, портной,
Тебе не пристало так:
Две дочери в девках который год,
И ты, тьфу-тьфу, не бедняк.»

VIII. Помещики, евреи и водка

15. В Каменце ежегодно каждый житель платил помещику налог на площадь, занимаемую его домом*, никто также не смел купить ни пива, ни водки, кроме как у помещика. [1]

* Чинш, специальный поземельный налог, который домовладельцы платили помещику – владельцу города или местечка.

16. Под конец недели у деда родился план, чтобы Сиховский* у себя в усадьбе устроил винокурню для производства водки и пива, поскольку в усадьбе много пустых строений, и строить ничего не придётся, только внутри переделать. Помещик на этом хорошо заработает. Картофель у него есть, а если для винокурни понадобится больше, то у него достаточно земли, причём хорошей, сажай сколько тебе надо. Работников тоже достаточно – крепостных хоть отбавляй! У него их больше, чем нужно для работы в поле – кстати, тут и Берл-Бендету что-то может перепасть. Помещик определил ему, кроме всех продуктов, пятьсот рублей в год серебром, но сейчас, конечно, даст еще тысячу в год или процент с каждого ведра водки; можно тут же начать большое дело, на что Берл-Бендет вполне годится. Кстати, и помещику несколько тысяч рублей в год тоже не помешают.

Дед предложил это дело Сиховскому, и тот согласился. Сразу же приступили к работе, и через несколько месяцев винокурня была полностью готова. Прежде всего, пришлось купить семнадцать быков, чтобы откармливать их бардой, и Берл-Бендет поехал в воскресенье на ярмарку в Каменец, как граф – в карете, запряжённой четвёркой лошадей, и купил быков.

Помещик был доволен покупкой. Берл-Бендет купил дёшево, хорошо и абсолютно честно. После того как быков откармливали недель десять, их продали, выручив за каждого по девяносто рублей, а прежде каждый бык стоил сорок.

До наступления зимы дважды покупали и продавали быков, и оба раза хорошо на этом зарабатывали. Дело по производству водки пошло, и к зиме помещик заработал больше двадцати тысяч чистыми. Даже для богатого помещика это была приличная сумма! [1]

17. Как-то, когда Осеревский приехал в свое поместье Пруска, дед предложил ему, чтобы тот передал ему все эти пошлины в аренду. За аренду он даёт двенадцать сотен рублей в год, в то время как сейчас помещик получает шиш. Осеревскому это понравилось, и был заключён контракт на три года.

Дед взял в аренду все сразу, что для города было новшеством. Все поэтому удивились его смелости, потому что кто же может бороться с целым городом? А что, если кто-то тайком ввезет водку и не захочет платить? У кого достанет силы для такого тяжёлого дела: сторожить целый город так, чтобы платили всё в точности и чтобы не мошенничали там, где мошенничают всегда?

Получив контракт, дед приказал шамесу Старого бесмедреша объявить, что в понедельник вечером все должны прийти на сход. Конечно, явился весь город. Когда Арн-Лейзер приглашает, нужно идти, иначе заплатишь больше налогов.

Арн-Лейзер послал писаря, чтобы тот объявил с бимы, что отныне никто не должен покупать водку ни у кого кроме, как у реб Арн-Лейзера, платя пошлину с каждого корца: 27 грошей шинкари и 18 грошей – прочие. То же, в отношении пива и всего того, за что до сих пор платили помещичьему управляющему. Аренда теперь переходит к нему. Одновременно он жертвует в пользу города триста рублей – сумму, которую он готов выплачивать ежегодно.

Поднялся шум. Но каждый боялся сильно высовываться, и люди понемногу разошлись.

Потом Арн-Лейзер велел созвать к себе всех шинкарей и сказал им, что продажу водки следует организовать по-новому. До сих пор каждый, у кого был дом, мог продавать водку крестьянам. Из-за этого торговля пришла в упадок – за стаканчик брали гроша четыре. Но теперь, когда он взял аренду, шинкари будут брать водку только у него, и он будет взимать с них по двадцать семь грошей с корца. Они должны следить за тем, чтобы никто не торговал контрабандной водкой, и тогда эти двадцать семь грошей будет нетрудно вернуть.

И ещё он предупредил:

– Прежде, когда управляющий Почоша вас ловил, вас били. Я вас, Боже сохрани, бить не велю, но тот, кто будет заниматься контрабандой водки, лишится своего шинка. Выручать вы должны по три копейки за стаканчик. Я вам привёз из Бриска стаканчики, которые кажутся большими, но в вмещают совсем мало. Вы должны держать только эти стаканчики, и никаких других. Стаканчики у всех будут одинаковыми, и останетесь в барыше. Особенно важно как можно меньше конкурировать друг с другом, и останетесь в барыше.

СПИРТ & SPIRIT

Шинкари собрались у деда и определили на следующие три года число занятых этим делом, которое не следовало превышать. Каждый шинкарь должен был взять патент, чтобы продавать свой товар открыто и свободно. При этом дед обязался одолжить деньги тем шинкарям, которые не могли сами оплатить патент. Дед знал, как организовать дело.

Когда всё было устроено, дед передал аренду моему папе и дал ему в компаньоны своего брата, Мордхе-Лейба. С помещиком было обговорено, что тот будет поставлять моему папе столько спиртного, сколько потребуется.

Акциз на водку начисляли так. У владельца винокуренного завода сидел акцизник (смотритель), который должен был следить, сколько тот продаст водки. Поскольку покупать приходили бочками, акцизник измерял, сколько ведер вмещает бочка, опечатывал ее акцизной печатью и выдавал хозяину свидетельство о том, что его бочка вмещает столько-то и столько-то ведер. Потом отмечал, что продано столько-то ведер. Акцизную пошлину хозяин винокуренного завода должен был доставлять ежемесячно в Бриск, в акцизную палату.

В городе тоже был такой акцизник, который должен был смотреть за тем, чтобы шинкари продавали водку правильно, то есть из опечатанной бочки. Если шинкарь получал бочку спиртного без акцизной печати, это считалось контрабандной водкой. <...>

В Каменце дед открыл шинок, и туда доставляли большие партии водки – до пятидесяти ведер в партии, то есть, до двухсот корцов. Поскольку дед был оптовым покупателем, помещик не захотел возиться с акцизными счетами, и дед это взял на себя. Каждый месяц он слал в Бриск акцизные сборы, и в амбаре всегда стояли мешки с медными и серебряными монетами, для перевозки которых требовалось несколько лошадей.

Теперь, когда дед взялся вести акцизные счета, акцизник уже у нас стал сидеть и опечатывать бочки и краны на бочках акцизной печатью. И когда приходили шинкари, каждый со своей бочкой, смотритель опечатывал бочонки, следя за тем, чтобы шинкари не уклонялись от акциза. Мой папа тоже опечатывал бочки своей печатью, чтобы шинкари продавали водку не иначе, как в рамках его аренды. Итак, на каждой бочке было две печати на длинной палке, с помощью которой измеряли, сколько ведер вмещает бочонок.

Мой папа с акцизником один или два раза в неделю, по желанию, устраивали ревизию по всему городу. Заходили к шинкарям, срывали с бочек печати и проверяли палкой, сколько осталось водки.

Так делали регулярно. Иной раз устраивали внезапную ревизию, посылая своего человека, Хацкеля, с несколькими – сколько было нужно – гоями от начальства. В десятских никогда не было недостатка: через исправника дед получал от ассессора столько десятских, сколько нужно – ему никогда не отказывали. Но, во-первых, шинкари были осторожны, во-вторых, они часто сиживали у нас в конторе, стараясь вести себя, как свои люди, добрые друзья, что мешало проводить ревизию.

Когда шинкари сидели у нас, и была водка, то посылали за жареными гусями, и всегда было веселье. Надо отметить, что всем шинкарям при деде было хорошо, а иные и разбогатели.

Что касается других пошлин – на соль, свечи, табак и др. – это его мало интересовало. Но всё шло гладко. <...>

Дед подтвердил аренду на водку, а остальные пошлины, причитающиеся за мельницы и тому подобное, сдал за девятьсот рублей в год. Так вся аренда досталась ему всего за триста рублей.

Дед сам держал шинок, и его брат держал шинок, и оба не имели патентов... Торговали свободно и открыто. За эту свободу и за помощь, в случае надобности, дед платил ассессору пять рублей в месяц.

Тот, кто покупает водку оптом, должен платить большой акциз, и часто это было сложно. Дед всегда закупал водку оптом в Польше*, где не было акциза. Это спиртное по ночам наливали в бочонки, а печати брали у акцизника, якобы для того, чтобы его не утруждать. Изготавливали множество сургучных печатей, которые затем прикрепляли к мерным палкам. Таким образом, бочки запечатывались акцизной печатью. Иной раз смотритель, перед тем, как уйти домой, оставлял печать на ночь: зачем ему было тащить её с собой. За что получал от деда пятнадцать рублей в месяц, кроме своего обычного жалованья...

Так привозили из Польши* спирт и продавали вместе с водкой, за которую был уплачен акциз. [1]

*Царство Польское – пользовавшееся финансовой и налоговой автономией, и отделенное от губерний «черты оседлости» таможенной границей.

IX. Водка, власть в еврейской общине и российские власти

18. Прадед реб Велвл был всю жизнь городским парнес-хойдешем* и богатым евреем: состояние его оценивали в три тысячи рублей. Жил он очень широко. У него был свой винокуренный завод. Тогда ещё не было никакого акциза** и он выручал по двенадцать грошей за корец*** водки, а в позднейшие годы – до восемнадцати. Поскольку на винокуренном заводе остается барда, то естественно, при заводе держали скотину – десять-двенадцать голов, которую откармливали бардой, и каждая корова давала молока по четыре корца в день. <...>

В доме у него постоянно шумели люди, по большей части бедняки. Поскольку водка тогда стоила восемнадцать грошей за корец, а копчёная телятина на закуску всегда висела на чердаке, то им было выгодно торчать у него. Люди эти были ему всецело преданы.

Зато обыватели побогаче его смертельно ненавидели – за его резкость и за то, что драл с них столько денег, сколько хотел. <...>

Можно сказать, что во времена прадеда в Каменце был порядок, и евреи жили более или менее спокойно. Реб Велвл-Арн был, наверное, самым лучшим и честным парнес-хойдешем. [1]

* Глава кагала, еврейской общины. Термин возник в позднем средневековье, когда еврейскими общинами управлял совет парнесов (старшин), причем, каждый член совета возглавлял этот совет поочередно в течение месяца (хойдеш). Постепенно, вся власть сосредоточилась в руках несменяемого главы кагала, который, однако, по традиции продолжал называться «парнес-хойдеш».

** косвенный налог на производство и продажу некоторых товаров, прежде всего, спиртного. В России акциз на продажу спиртного до 1863 г. государство отдавало на откуп с торгов. Акциз на продажу спиртного приносил в казну до 40% всего государственного бюджета.

*** 3,26 литра, старинная мера объёма.

19. «Оппозиция» из Заставья* взбунтовала весь город. Их не столько волновало то, что подорожало мясо, сколько возможность поднять шум и крик. Если уж они не могли затеять спор об аренде, в котором они повели себя несправедливо, то теперь они могли делать все, что хотели. Ведь они как будто противились кривде, совершённой против всего города. Распря стала такой большой, что выглядела, как настоящая война. У нас перестали покупать водку. Банда в пятьдесят человек выехала из города, привезла бочку водки, поставила ее на базаре и продавала свободно всем желающим.

Вокруг бочки с водкой собралось несколько сот человек. Приготовились драться не на жизнь, а на смерть с полицией Арн-Лейзера. Дед взял у управляющего именем тридцать мужиков, у ассессора десять десятских, да еще двух своих людей – Хацкеля и Кивку, и с их помощью отобрал бочку с водкой. Понятно, что произошла драка, выглядевшая неслыханно безобразно с обеих сторон.

Дед посадил некоего Тверского, который был чем-то вроде писаря, чтобы тот писал день-деньской протоколы и отсылал их исправнику. Бочку много раз разбивали и выливали водку, но через два часа уже стояла новая бочка водки под охраной сотни людей, и целый день шла драка.

По просьбе исправника дед ему послал все протоколы. А его противники послали доносы губернатору о том, что Арн-Лейзер уже много лет грабит город: берет деньги за то, что помещик не записал в контракте и т. п. Губернатор запросил исправника, а тот, конечно, ответил, что арендатор прав, а те – бунтовщики. Стали писать доносы на обоих – на Арн-Лейзера и на исправника, дескать, они делятся награбленными деньгами.

Так распря тянулась полгода: целыми днями шла драка. Но нас противники деда боялись пальцем тронуть. Все наше семейство ходило по улице и в бесмедреш и никто не смел нам сказать худого слова – так велик был страх перед Арн-Лейзером.

От губернатора приехала таки комиссия из шести человек во главе с исправником, чтобы расследовать, кто прав, кто виноват. Естественно, что за несколько недель до

приезда комиссии исправник дал знать деду, чтобы тот хорошенько подготовился и освободил у себя место для проживания двух членов комиссии – для него и ещё для кого-то. Четверо будут на постое у ассессора.

В борьбе дед использовал все средства. Прежде всего, он созвал простонародье, которое всегда держало его сторону, и было готово за него в огонь и в воду. Им выставили много водки, а на закуску – вдоволь гусятины. С ними условились: кто что будет говорить, и дали еще по бутылке с собой.

Наш «единственный сын» целый день их обрабатывал, обучая, что им говорить, а тех, кто совсем не знал русского языка, обучили несколькими словами, которые они должны сказать. У Арье-Лейба были для этого специальные помощники, которые учили, что говорить, а он был начальником.

Дед составил список всех свидетелей со своей стороны и послал исправнику. Противники его также составили список своих свидетелей. Они придержали этот список, чтобы предъявить комиссии по ее приезду.

Комиссия приехала в Бриск и представилась исправнику. Исправник подержал почтенных гостей несколько дней у себя. Как обычно, ели и пили. Под конец он с ними как нужно договорился.

Наконец комиссия прибыла. Исправник и ещё один член комиссии остановились у дяди Мордхе-Лейба, а остальные четверо – у ассессора. В первый день ассессор устроил для комиссии торжественный обед, а на завтра то же повторилось у исправника, в доме Мордхе-Лейба. Деньги на обед у исправника, понятно, были дедовы, и это деду обошлось недешево, так как он не скупился на самые дорогие блюда, вина и коньяки.

На третий день комиссия начала расследование, на которое пришли все жители. Волостной старшина вызвал всех свидетелей по данному дедом списку. Эти свидетели заполнили в доме у ассессора все комнаты и коридор – всё было забито свидетелями деда. Их по одному вызывали в комнату, где заседала комиссия, и где с ними обращались вежливо и деликатно: это ж свидетели деда!..

Свидетели же со стороны города стояли на улице, возле дома ассессора. Три дня они стояли на ногах под дождём и на ветру – время было осеннее.

Для нужных свидетелей у ассессора во дворе была уже приготовлена водка с доброй закуской. Городские этого, конечно, не получали и были голодны и измучены ожиданием. Это плохо влияло на свидетелей, а, кроме того, с ними, после долгого ожидания, обращались во время допроса грубо и плохо – ругались и кричали, так что было ясно, что у тех, кто на стороне города, положение плохое.

Город впал в отчаяние, и виновным посчитали исправника. Свидетельства со стороны города совсем не были выслушаны. [1]

* Предместье Каменец-Литовска, родного местечка автора.

Х. Водка и хасидизм

20. Дома отец вел себя как хасид. Он молился в хасидском штибле*, и в пятницу вечером за его стол садилось по несколько миньянов – и все хасиды. Пели, ели и плясали за полночь. В субботу снова приходили к обеду, ели всякие куглы, пили водку, пели и плясали до вечера. Потом шли в штибл на минху, а после минхи, уже в штибле, устраивали третью трапезу**. От папы приносили большую халу с селёдкой, несколько бутылок водки, и после этого ещё пели и плясали в штибле до майрева. Через час после майрева все хасиды снова были у папы, тогда варили крупник с мясом, спиртного было – хоть залейся, снова пели и плясали всю ночь***, а на рассвете хасиды, расходясь по домам, будили по дороге обывателей. [1]

* Маленький молельный дом, букв. домик (*идиш*).

** Важной частью субботнего ритуала являются три трапезы. Третья трапеза происходит перед концом субботы. Хасиды превратили третью трапезу в особый общественный ритуал, который происходит не дома, а в синагоге.

*** Мелаве-малка (букв. Проводы царицы, иврит) – специальная трапеза, устраиваемая после окончания субботы. Особенно популярна в хасидской среде.

21. А там, в углу стоит несколько хасидов. Один держит бутылку водки и рюмку и выпивает с компанией евреев. Эти уже помолились прежде остальных. Коцкие хасиды могут выпить ещё до молитвы. Посреди службы подходит, напевая, ещё один, несколько мальчиков подтягивают – весело. [1]

22. «Глоток водки и танец для коцких хасидов дороже, чем целый мешок молитв и учения», – говаривал реб Борех-Волф. [3]

XI. Водка и Гаскала

23. В те времена акциз перешёл от правительства к барону Йоже Гинцбургу*: Он взял акциз в откуп за известную сумму денег, ежегодно выплачиваемых им правительству**. И служащих акцизных канцелярий и своих представителей он набирал только из евреев***: от самой высокой должности и вплоть до самого незначительного места в какой-нибудь деревне.

Тогда дед перестал завозить контрабандную водку из Польши. Он был страшно рад, что правительство передало еврею такой подряд, и как ни был поглощён тем, чтобы заработать, но все же не хотел ввозить водку контрабандой, чтобы, не дай Бог, не обанкротить барона!... От этого ведь может произойти зло для всех евреев, так как ненавистники Израиля скажут, что все евреи – воры.

Опять же, барон себя вёл красиво и взял служащими евреев, чем дал тысячам евреев заработок. И вообще, очень хорошо, что евреи служат в казне. Дед стал все время покупать водку на винокурных заводах, отчего доходы стали плохими. На польской водке он зарабатывал тысячи рублей в год! [1]

* Евзель (Иосиф) Гаврилович Гинцбург (1812-1878), крупнейший российский финансист, банкир и благотворитель. В 1840-х гг. был уже видным откупщиком. Осуществлял поставки водки в армию во время обороны Севастополя. В 1859 г. им был основан в Петербурге банк, который скоро стал одним из главных банков в столице. Затем участвовал в учреждении еще нескольких крупных банков, финансировал строительство железных дорог. Благодаря его усиленным хлопотам были изданы законы о предоставлении права повсеместного жительства купцам-евреям (1859 г.), евреям-ремесленникам (1865 г.), нижним чинам, отбывшим воинскую службу по действовавшему тогда рекрутскому уставу (1867 г.). По инициативе Гинцбурга было получено разрешение на строительство Петербургской синагоги. В 1863 г. учредил «Общество для распространения просвещения между евреями»; деятельность этого Общества развивалась почти исключительно на его средства. Выполнял обязанности почетного консула герцогства Гессен в России. В 1872 г. великий герцог Гессенский даровал сначала его сыну Горацию, а затем и самому Евзелю, баронский титул, каковым титулом с высочайшего соизволения, последовавшего в 1874 г., ему было разрешено пользоваться в России потомственно.

** В 1845 г. был издан закон, согласно которому евреям-купцам всех гильдий предоставлялось право «вступать в содержание питейных откупов и акцизных с питей сборов» в городах и местечках, покупая оптом водку у помещиков. В 1861 г. откупная система при сборе акциза была отменена. Е.Г. Гинцбург еще в конце 1840-х гг. стал заниматься откупом питейных акцизов. В 1857 г. он взял в откуп питейный акциз по всей России.

24. Отрывок об акцизниках из Паперны [5]

Последний отрывок из книги А. Паперна «Из Николаевской эпохи», к сожалению, не удалось переписать в Word – не оказалось под рукой Fine Reader. Сделай, это, пожалуйста, сам. Примечания к этому отрывку. Их тоже нужно вставить.

* Клаузник – завсегдадай клауза, то есть клойза – небольшого молитвенного дома, бесмедореша, иначе говоря, ученый талмудист.

** Перевод песенки, которая еще и набрана с печатками (лучше использовать мою транскрипцию)

Ди акцизне юнге лайт, Зайнен зейер фаршайд, Голн ди берделах Ун форн аф ферделах Гейен ин калашн Ун эсн унгевашн Гейен ин трактирн Тринкен тей Ун дер вайб из винд ун вей.	Молодые акцизники Очень отличаются <от других людей> Бреют бороды И ездят на лошадаках Ходят в калошах И едят, не помывши <рук>, Ходят в трактиры Пьют чай, Женщинам <от них> горе и беда.
---	---

Список источников

1. Е. Котик. Мои воспоминания. Перевод с идиша М. Улановской под. ред. В. Дымшица.
2. Залман Шнеур. Шкловцы. Перевод с идиша (7, 9, 12) В. Дымшица и (13) В. Федченко под. ред. В. Дымшица.
3. И.-И. Зингер. О мире, которого больше нет. Перевод с идиша (11) М. Бендет и (22) А. Фруман под. ред. В. Дымшица.
4. Ицик Мангер. Песни на Пятикнижие. Перевод с И. Булатовского под. ред. В. Дымшица
5. А. Паперна. Из Николаевской эпохи.

Vodka¹

ir fregt mikh vus ikh troyer
vus benk ikh oyfn kol
tsvey fraynt hob ikh farlorn
in beyde oyfn mol

ekh ty vodka! vodka gorkaya
bist tu biter chyort vozmi

der ershter iz mayn libste
a meyd! lib in fayn
vos hot mir opgeshvorn
oy eybik tray tsu zany

ekh ty vodka! vodka gorkaya
bist tu biter chyort vozmi

der tsveiter iz mayn khaver
may erster giter fraynt
mit velkhn mayn getraye
geyt tsu der khipe haynt

ekh ty vodka! vodka gorkaya
bist tu biter chyort vozmi

Чтобы стало интересней,
Чтобы не пропал накал,
Чтоб найти слова для песни,
Двух друзей я потерял.

А что ж ты, водка, водка горькая,
бисты битер, чорт возьми!

Как один мой друг подруга,
Как другой мой друг друган,
Вместе водку наливали,
Раскололся наш стакан

А что ж ты, водка, водка горькая,
бисты битер, чорт возьми!

Водку пили, мясо ели,
Колокольчиком звеня.
Ладно что в одной постели,
Жалко только без меня.

А что ж ты, водка, водка горькая,
бисты битер, чорт возьми!

¹ Русская версия – Иван Жук

A bisele yash (Немного водочки)¹

Ven ikh nem a bisele yash – oy oy,
Finkelt alts un glantst, – 2
Kh`gib a vorf di puste flash – oy oy,
Un ikh gey a tants, – 2

Oy oy, tsukerzis, halt mir ba di hent!
Flekhtn beygelekh di fis, di neshome brent!

Vos mir shviger, ver mir vayb – oy oy,
Veys ikh zey – di shlek, – 2
Mitn ershtn kelishek vayn – oy oy,
Shvimen zey avek – 2

Oy oy, tsukerzis, brider, kumt in kon!
Lomir vayzn kind un vist vos a kaptsn kon!

Как выпью водки – ой-ой,
Все блещет и сверкает! – 2
Выкидываю пустую бутылку – ой-ой,
И иду танцевать – 2.

Ой-ой, красота!² Держите меня за руки!
Ноги выписывают кренделя, душа горит!

Что мне тесть, что мне жена – ой-ой,
Знаю я их – зануды! - 2
Первую рюмку опрокину – ой-ой
И они уже уплывают куда-то.

Ой-ой, красота! Братья, встаньте в круг!
Покажем-ка всем от мала до велика, на
что способен босяк!

¹ Перевод Александры Полян

² Дословно – сладко, как сахар (прим. переводчика)

Vos mir dayges, ver mir zorg – oy oy!
Shtrof nit far di reyd, – 2
Gib mir Gotenyu af borg – oy oy,
Khoch a tropm freyd, – 2

Oy oy, tsukerzis, s`redele zikh dreyt!
S`kostn tsores halb umzist, shpringt
tsezetsterhey!

Ven ikh nem a bisele yash – oy oy,
Bin ikh gor nit der, – 2
Kh`gib a vorf di puste flash – oy oy,
Un ikh gey a sher, – 2

Что мне заботы, что тревоги – ой-ой,
Не наказывай меня за эти слова, – 2
Господи, а дай лучше в долг – ой-ой
Хоть каплю радости³ – 2.

Ой-ой, красота! Кружится хоровод!
За беды почти не надо платить, прыгай-
те до упаду!

Как выпью водки – ой-ой,
Я уже не я! – 2
Выкидываю пустую бутылку – ой-ой,
И иду танцевать шер – 2.

³ Чудо-напитка (прим. переводчика)

Еyn mol (Лишь раз)¹

Eyn mol, eyn mol, eyn mol –
Eyn mol tu ikh zikh banayen:
A gantse vokh horevet men dokh,
Af shabes darf men layen...

Layen, layen, layen, layen –
Layen zol men nisht badarfn:
Shabes on khreyen kon men zikh bageyn,
Ober nisht on bronfn...

Bronfn, bronfn, bronfn, bronfn –
Bronfn – dos iz mayn nekhome;
Un az ikh nem a kos nokh a kos,
Derkvik ikh mayn neshome!

Mayn neshome mit mayn nekhome
Zaynen do in gantsn!
Un az ikh nem a kos nokh a kos,
Geyen di fiselekh tantsn...

Tantsn, tantsn, tantsn, tantsn –
Tantsn iz gor a hoykhe mide;
Un az ikh nem a kos nokh a kos,
Tants ikh mit a khside!

Лишь раз [в неделю], лишь раз, лишь раз –
Лишь раз я будто заново рождаюсь:
Всю неделю работаешь, как вол, –
На субботу можно и взять немного в долг...

Одолжить, одолжить, одолжить, одолжить –
Одолжить, чтоб ни в чем не нуждаться:
В субботу можно обойтись без хрена,
Но нельзя – без водки...

Водка, водка, водка, водка –
Водка – моя утеха;
А стакан за стаканом
Услаждает душу!

Моя душа и моя утеха –
И больше ничего не надо!
А когда я пью стакан за стаканом –
Ноги сами идут танцевать.

Танцевать, танцевать, танцевать, танцевать –
Танцевать – это святое дело;
Но когда я пью стакан за стаканом –
То танцую, оказывается, уже с праведницей!

¹ Перевод Александры Полян

Mit a khside, mit a khside –
Iz dokh a groyse aveyre!
Ober az ikh nem a kos nokh a kos,
Hob ikh nisht keyn breyre (meyre)...

Tsu tantsn, tsu zingen, tsu zingen, tsu
shpringen –
Dertsu tu ikh toygn;
Un az ikh makh a shnaps nokh a shnaps,
Bakum ikh klore oygn...

Oygn, oygn, oygn, oygn,
Oygn hob ikh klore;
Un az ikh makh a shnaps nokh a shnaps;
Iz: «shehakol nihyo bidvoyre!»

С праведницей, с праведницей –
Это большой грех!
Но когда пьешь стакан за стаканом,
Уже нет другого выбора...
(вариант: Уже ничего не боишься...)

Танцевать, петь, прыгать –
На это я еще вполне гожусь!
А выпью водки, а потом снова водки –
И в глазах проясняется.

Глаза, глаза, глаза, глаза –
В глазах у меня ясно;
А выпью водки, а потом еще водки –
Так “пусть все будет по воле Его!”²

² Это благословение произносится, когда пьют, но оно вошло в идиш в качестве обычного выражения: «махн шеакл» – это ‘бухнуть’. (прим. Александры Полян)

Di mashke (Выпивка)¹

Ikh vil dikh mashke erlikh haltn
kh’veil shteyn far dir vi far an altn
ikh vel dikh erlikh haltn mashke
vayl ikh darf in dayne laske

tra la la la la la la tra la la la la la la la la
tra la la la la la la tra la la la la

Beshas der shadkhn iz gekumen tsu mayn
zeydn
Dem tatn mit der mamen a shidekh redn
Hot men geredt un geredt umzist

Я тебя, стаканчик, буду крепко держать,
Я буду стоять за тебя как за старца
Я буду тебя крепко держать, выпивка,
Потому что мне нужны твои ласки.

Когда сват пришел к моему деду
Устраивать шидух моим папе и маме,
То говорили и говорили без толку,
Пока не вмешался в дело стаканчик.
Благодаря выпивке шидух удался,
Папа стал маминым женихом.

¹ Автором песни Di mashke является Михл Гордон (1823, Вильно – 1890, Киев). Именно Михл Гордон дал жизнь многим сатирическим песням, обыгрывающим проблемы и конфликты еврейского мира Восточной Европы в середине XIX века.

Песни эти фольклоризовались и во многом потеряли свое сатирическое звучание для неискушенного слушателя. Гордон был убежденным маскилом и безжалостно высмеивал традиционный еврейский образ жизни и особенно хасидизм, который в его понимании был источником всего «азиатского» в образе и поведении европейского еврея: пристрастие к выпивке, не всегда чистая одежда, шумный стиль общения и т.п. Песня Di mashke приобрела в последние 40 лет огромную популярность через движение клезмерского возрождения – Гордон использовал для припева живую танцевальную мелодию, которая удачно сочетается с речитативом куплета, напоминающим *бадхонес*, а текст песни содержит элементы тонкой пародии попеременно с шутками, которые «работают» далеко за пределами пространственно-временного и социокультурного контекста. (прим. переводчика Мотла Гордона)

САМОГОНОВАРЕНИЕ В ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Biz dos glezl mashke hot zikh arayngemisht
Tsulib der mashke iz der shidekh gevorn
geshlosn

Der tate iz gevorn der mames khosn

M'hot take bald khasene gemakht
Un getrunken mashke a gantse nakht
Mit groyse glezer hobn getrunken ale
Lekoved dem khosn un lekoved der kale
Durkh mashke hot der tate di mame
genumen

Durkh mashke bin ikh oyf der velt gekumen

Ikh gedenk nokh bay mayn bris
Iz dos glezl mashke nisht arop fun tish
Der oylem hot geshrien: Mazl tov!
Dos kind zol vaksn un zayn a rov
Ot deriber trink ikh a rov-kos
Deriber trink ikh on a mos

Ikh gedenk as m'hot mikh in kheyder gebrakht
Hot men gehulyet biz shpet in der nakht
Un der rebe Reb Kheshl
Hot getrunken fun gantsn fleshl
Un bay im in kheyder hob ikh gekrign a
peule
Tsu trinken mashke gor a fule

Oyf mayn bar-mitzve hob ikh gezogt a
droshe
Az nemen a bisl mashke iz gor nishkoshe
Az aleyk bekovedu vebeetsmu der keyser
Iz dokh bimkhile a shiker a greyser
Derfar, brider, orem un raykh,
Lomir trinken ale glyakh

Ikh gedenk oyf mayne tnoyim
Hobn ale getrunken vi di goyim
Un men hot tep gebrokh'n
Un di mashke iz fun tish nisht aropgekrokh'n
Un ikh hob nisht gekukt, vos ikh bin a khosn
Un ale vayle arayngegosn

Ikh gedenk az men hot mikh tsu der khupe
gefirt
Hot men genumen a bisele shpirt

Вскоре и правда сыграли свадьбу
И пили целую ночь
Из больших стаканов
За жениха и за невесту.
Так из-за выпивки папа на маме и женился,

А я на свет появился.
Я помню, еще когда мне делали обрезание
Стаканчик был тут как тут
Народ кричал: Мазл тов!
Пусть растет и становится раввином (rov)!
Вот я и пью теперь из большого (rov)
стакана
Наливаю не глядя

Я помню, когда меня привели в хедер,
То гуляли до поздней ночи,
И ребе Реб Хешл
Пил прямо из бутылки
И я у него в хедере добросовестно
упражнялся
Пить сразу до дна

На своей бар-мицве я сказал драшу
О том, что немножко выпить совсем
неплохо
Что царь собственной персоной, самолично
Есть великий, извиняюсь, пьяница
Поэтому братья, бедные и богатые,
Давайте пить все наравне

Я помню, на моей помолвке
Все напились, как гои
Разбили горшки
А выпивка на столе не кончалась

Я не разбирался, жених я или нет
И всю дорогу заливал себе глотку.

Я помню, что когда меня вели под хупу,
То сперва приняли немножко спирта,
Раввин сказал благословения
И в стаканах осталось кот наплакал

СПИРТ & SPIRIT

Un der rov hot gezogt di brokhes
Un in bekher iz geblibn a kadokhes
Un ikh bin geshtanen vi a fayner yung
Un gelekt dem bekher mit der tsung

Bald nokh der khasene
Hob ikh zikh mit der vayb ongehoyn krign
Zenen mir geforn tsu a gutn yidn
Hot der guter yid undz gegeben a shmire
Mir zoln ariber oyf a naye dire
Un oyf der nayer dire
Hob ikh dos vayb nisht gehert
Un ale vayle arayngekert

Mayn bisele yorn, ven ikh vel oyslebn
Vil ikh men zol mir in keyver mitgebn
A fesele mashke noent bay der vant
A groyser gloz in der rekhter hant
Tsu tkies-hameysim bin ikh vider do
Un trink bald mashke in der ershter sho

А я-то молодец! Я стоял себе
И облизывал стакан языком

Вскоре после свадьбы
Начали мы с женой ссориться
Поехали к «хорошему еврею» (der guter yid)
Он нам дал благословение,
Чтобы мы переехали на новую квартиру
И на новой квартире
Я жену вообще не слушал
Только из стаканчика кушал

Когда я отживу мои немногие годы,
Хочу, чтобы мне дали с собой в могилу
Бочонок выпивки поближе к стенке
И большой стакан в правую руку
Ну, а к воскрешению мертвых я подтянусь
И тут же пропущу стаканчик

אשכולות
КУЛЬТУРНО-РАЗВИВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке

